

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

The RHETORIC
of REACTION

*Perversity, Futility,
Jeopardy*

ALBERT O. HIRSCHMAN

РИТОРИКА РЕАКЦИИ:

*извращение, тщетность,
опасность*

АЛЬБЕРТ О. ХИРШМАН

*Перевод с английского
ДМИТРИЯ УЗЛАНЕРА
под научной редакцией
АРТЕМА СМИРНОВА*

Третье издание

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2025

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Хиршман, А. О.

X50

Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / пер. с англ. Д. А. Узланера; под науч. ред. А. А. Смирнова; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 3-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 208 с. — (Политическая теория). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4321-4 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4295-8 (e-book).

Книга выдающегося экономиста и историка идей Альберта О. Хиршмана (1915–2012) представляет собой попытку картографирования риторики, которая использовалась консервативными политиками, экономистами и публицистами — от Эдмунда Берка до Милтона Фридмана — для противостояния прогрессивным программам и реформам на протяжении последних двух столетий. Привлекая множество примеров реакции на идеи Великой французской революции и Декларации прав человека, демократизации и последовательного движения к всеобщему избирательному праву в XIX веке и государства всеобщего благосостояния в XX столетии, автор выделяет три основных структурных аргумента противников реформ: 1) тезис об извращении, согласно которому любое действие, направленное на улучшение политического, социального или экономического устройства, неизменно приводит к полностью противоположным результатам; 2) тезис о тщетности, в соответствии с которым любые попытки преобразования общества ни к чему не приведут; 3) тезис об опасности, который гласит, что предлагаемые реформы обойдутся слишком дорого и поставят под угрозу прошлые завоевания. В заключительной главе Хиршман показывает, что подобные риторические ходы нередко используются и сторонниками реформ против своих консервативных противников и представляют собой серьезное препятствие для ведения осмысленных демократических дебатов и политического диалога.

УДК 32.01
ББК 66.1

Перевод книги: *Hirschman, Albert O. The Rhetoric of Reaction. Perversity, Futility, Jeopardy*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4321-4

ISBN 978-5-7598-4321-4 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4295-8 (e-book)
ISBN 0-674-76867-1 (англ.)

Copyright © 1991 by the President
and Fellows of Harvard College.
Published by arrangement
with Harvard University Press

© Перевод на русский язык.
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
2010; 2021; 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
I. ДВА СТОЛЕТИЯ РЕАКЦИОННОЙ РИТОРИКИ	10
II. ТЕЗИС ОБ ИЗВРАЩЕНИИ	20
III. ТЕЗИС О ТЩЕТНОСТИ	53
IV. ТЕЗИС ОБ ОПАСНОСТИ	92
V. ТРИ ТЕЗИСА — СОПОСТАВЛЕННЫЕ И СОВМЕЩЕННЫЕ	145
VI. ОТ РЕАКЦИОННОЙ РИТОРИКИ К ПРОГРЕССИВНОЙ	161
VII. ПО ТУ СТОРОНУ БЕСКОМПРОМИССНОСТИ	176
БЛАГОДАРНОСТИ	183
А. СМИРНОВ. АЛЬБЕРТ О. ХИРШМАН: НАРУШИТЕЛЬ ГРАНИЦ	186

*Саре, моему главному читателю
и критику на протяжении последних
пятидесяти лет*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Как человек становится таким, каков он есть?» В истории, которой посвящена статья Джамайки Кинкейд из *New Yorker* (1989. June 26. P. 32–38), молодая женщина-карибка все время настойчиво задает этим вопросом в отношении своего работодателя, Марии — темпераментной, очень дружелюбной и несколько надоедливой матери четверых детей родом из Северной Америки. Нет никакого сомнения в том, что ответ на поставленный вопрос во многом зависит от социальных и расовых различий. Однако, когда я читал эту историю, я вдруг понял, что вопрос Кинкейд, т.е. беспокойство об огромной, упрямой и раздражающей инаковости других, имеет самое непосредственное отношение к замыслу моей работы.

Тревожащее ощущение собственной оторванности не просто от мнений, но от всего жизненного опыта большого числа собственных современников, на самом деле типично для современных демократических обществ. Сегодня, когда все превозносят демократическую модель, размышления об изъянах западной демократии могут показаться неуместными. Но именно зрелищное и воодушевляющее крушение одних стен заставляет нас обратить внимание на те стены, которые остаются нетронутыми, на те разломы, которые продолжают углубляться. Среди них есть один, который очень часто можно наблюдать в самых развитых демократиях: систематическая нехватка общения между такими группами граждан, как либералы и консерваторы, прогрессисты и реакционеры. Вытекающая отсюда обособленность больших групп граждан друг от друга кажется мне более тревожащей, чем изоляция аномичных индивидов в «массовом обществе», о чем столь громогласно заявляют социологи.

Любопытно, но сама стабильность и должное функционирование грамотно устроенного демократическо-

го общества зависит от деления граждан на несколько крупных (желательно на две) четко определенных групп, придерживающихся разных мнений относительно базовых политических проблем. Вполне может получиться, что между этими группами вырастет настоящая стена — в этом смысле демократия все время возводит собственные стены. Как только данный процесс завершится, каждая группа в затруднении и нередко с взаимным отвращением начнет вопрошать друг о друге: «Как эти люди стали такими, какие они есть?»

В середине 1980-х, когда данное исследование только начиналось, было очевидно, как многие либералы в США, включая и меня самого, оценивали нарождающееся и усиливающееся консервативное и неоконсервативное движение. Одной из реакций на это усиление стало вопрошание о складе ума консерватора и типе его личности. Однако подобная лобовая и будто бы глубокая атака не казалась мне особенно перспективной. Было очевидно, что она приведет лишь к углублению раскола, а также к ненужной зачарованности демонизированным оппонентом. Отсюда мое решение сосредоточиться на «холодном» анализе внешних феноменов: дискурсов, аргументов и риторики, рассмотренных исторически и аналитически. В процессе моего исследования выяснится, что дискурс определяется не столько базовыми чертами личности, сколько *императивами аргументации*, практически не зависящими от желаний, склада характера или убеждений участников. Выявление этой рабской зависимости от аргументации вполне может способствовать ее ослаблению, тем самым модифицируя дискурс и восстанавливая общение.

Тот факт, что предпринятое мной исследование действительно обладает указанными достоинствами, подтверждается тем, что мой анализ «реакционной риторики» ближе к концу книги делает резкий поворот и охватывает — к моему вящему удивлению — в том числе и риторику либеральную, прогрессивную.

I. Два столетия реакционной риторики

В 1985 г. (незадолго до избрания Рональда Рейгана президентом Соединенных Штатов на второй срок) Фонд Форда запустил очень амбициозный проект. Движимый, несомненно, тревогой касательно усиливающейся неоконсервативной критики программ социальной защиты и прочих социальных программ, фонд решил собрать группу граждан, которые после тщательного обсуждения и изучения всех возможных данных должны были вынести авторитетное суждение по поводу вопросов, которые обсуждались тогда под общей рубрикой «Кризис государства всеобщего благосостояния»¹.

Во вступительной речи Ральф Дарендорф (который, как и я, был членом назначенной группы) обозначил проблему, которой предстояло стать предметом нашего обсуждения, в ее историческом контексте, вспомнив знаменитую лекцию английского социолога Т.Х. Маршалла 1949 г., посвященную «развитию института гражданства» на Западе². Маршалл провел разделение между гражданским, политическим и социальным измерением гражданства, затем он перешел к разъяснению (вполне в духе виговской интерпретации истории) того, как более просвещенные человеческие общества успешно осваивали эти измерения одно за другим. Согласно схеме Маршалла, в которой на выполнение каждой из трех задач отводилось по одному столетию,

¹ Позднее этот доклад был опубликован: *The Common Good: Social Welfare and the American Future (Policy Recommendations of the Executive Panel)*. N. Y.: Ford Foundation, 1989.

² *Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: ГУ ВШЭ, 2010.*

XVIII в. стал свидетелем основных битв за *гражданские* свободы — начиная со свободы слова, мысли и вероисповедания и заканчивая беспристрастным судом, а также иными составляющими индивидуальных свобод. Грубо говоря, речь здесь идет о «правах человека» в том виде, в каком они известны нам из доктрины естественного права и Американской, и Французской революции. В XIX в. основные баталии развернулись вокруг *политического* аспекта гражданства, т.е. права граждан участвовать в осуществлении политической власти, что было связано с распространением электорального права на все более широкие слои населения. Наконец, возникновение государства всеобщего благосостояния в XX в. привело к распространению понятия гражданства на *социальную* и *экономическую* сферы путем признания того, что для цивилизованной жизни и полноценной реализации гражданских и политических атрибутов гражданства необходимы минимальные стандарты образованности, здоровья, экономического благополучия и безопасности.

Когда Маршалл провозглашал свою величественную и последовательную картину постепенного прогресса, третья битва за утверждение гражданских прав, та, что велась в социальной и экономической области, казалась уже почти выигранной, особенно для лейбористской партии. То была Англия сразу после окончания Второй мировой войны, обеспокоенная вопросом обеспечения социальной защиты. Тридцать пять лет спустя Дарендорф указал на излишний оптимизм Маршалла в этом вопросе. Он отметил, что понятие социально-экономического измерения гражданства как естественного и желательного дополнения к гражданско-правовому и политическому измерению столкнулось со значительными трудностями и противодействием; ныне оно нуждается в значительном переосмыслении.

Троичная трехвековая схема Маршалла придавала проблеме, рассматриваемой нашей группой, величественную историческую перспективу и предлагала

великолепную отправную точку для исследований. Но после некоторого размышления мне показалось, что Дарендорф не довел свою критику до конца. Разве за каждым из прогрессивных скачков, выделенных Маршаллом, а не только за последним, не следовал необычайно сильный идеологический контрудар? И не лежали ли подобные контрудары в основе судорожной социальной и политической борьбы, которая зачастую вела к отходу от запланированных прогрессивных программ, а также к людским страданиям и нищете? Тот отпор, который встречает государство всеобщего благосостояния, может оказаться еще достаточно мягким по сравнению с прежними битвами и конфликтами, которые в XVIII в. последовали за утверждением индивидуальных свобод, а в XIX — за расширением политического участия.

Стоит лишь немного поразмыслить над этим затянувшимся и опасным переплетением действия и противодействия или реакции, как мы придем к пониманию глубокой мудрости Уайтхеда, который заметил, что «основные достижения в развитии цивилизации были осуществлены за счет процессов, которые чуть было не сломили те общества, в которых они происходили»³. Именно это суждение, а вовсе не гладкие неумолимые констатации прогресса, схватывают глубоко амбивалентную сущность того, что столь обтекаемо называют «развитием гражданства». Сегодня вполне можно задать вопросом о том, не был ли Уайтхед, писавший в 1920-х годах, слишком умеренным в своих суждениях: для некоторых обществ, причем далеко не последних, его утверждение было бы более точным, если бы мы убрали из него уточнение «чуть не».

ТРИ РЕАКЦИИ И ТРИ РЕАКЦИОННЫХ ТЕЗИСА

Таким образом, у нас есть веские основания для того, чтобы сосредоточиться на анализе реакций на

³ Whitehead A. Symbolism. N. Y.: Capricorn, 1959. P. 88.

последовательное продвижение вперед. Для начала хотелось бы кратко пояснить, что именно я имею в виду под «тремя реакциями», или реакционными волнами, так как последние могут быть гораздо более разнообразными и диффузными, чем предполагает достаточно прямолинейная триада Маршалла.

Первая реакция — это идейное движение, последовавшее за утверждением всеобщего равенства перед законом и провозглашением общих гражданских (civil) прав (гражданский компонент гражданства в терминологии Маршалла) и противостоявшее им. При вычленении этого движения возникает одна трудность: наиболее громко данные права провозглашались на ранних стадиях и в результате Великой французской революции. Таким образом, тогдашняя реакция против этих прав была переплетена с противодействием Революции и всем ее плодам. Несомненно, что выступления против Декларации прав человека и гражданина были в гораздо большей степени вызваны событиями, которые привели к утверждению Декларации, чем самим ее текстом. Но радикальный контрреволюционный дискурс, который вскоре возник, отказывался проводить различие между позитивными и негативными аспектами Французской революции. Отказывался он и идти на уступки и признавать, что подобные позитивные аспекты вообще были. Предвосхищая то, что позднее станет лозунгом левых сил (*la Révolution est un bloc*^{4*}), первые противники революции рассматривали ее как единое согласованное целое. Стоит обратить внимание на то, что первое общее осуждение Революции — «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Берка — началось с последовательной критики Декларации прав человека. Серьезно относясь к идеологии Революции, контрреволюционный дискурс включал в том числе и отвержение текста, которым революционеры больше всего гордились.

^{4*} Революция есть нераздельное целое (фр.). — Примеч. перев.

В таком виде данный дискурс и сформировался как фундаментальное интеллектуальное течение, заложив основу для современного консерватизма.

Вторая реакционная волна — та, что противостояла всеобщему избирательному праву, — в гораздо меньшей степени сознавала себя контрреволюционной или, в данном случае, контрреформистской. Лишь немногие ее представители открыто призывали к отказу от практик народного участия в политике, которые получили распространение благодаря расширению избирательных прав в XIX столетии (а также расширению полномочий «нижних» палат парламента). Во многих странах движение к всеобщему избирательному праву (которое вплоть до XX в. предоставлялось исключительно мужчинам) было делом постепенным, поэтому критикам было трудно сформировать единый фронт. Более того, после ликвидации различий между дворянством, духовенством и простолюдинами просто не существовало того явного рубежа, на котором продвижение политической демократии могло бы остановиться. Тем не менее из нескольких влиятельных течений, которые возникли именно тогда, когда произошли основные прорывы в борьбе за расширение избирательного права, все же можно *сконструировать* идеологическое контрдвижение. Начиная с последней трети XIX в. и вплоть до Первой мировой войны и далее был накоплен огромный слой разнородной литературы — философской, психологической, политической и публицистической, — собравшей все вообразимые аргументы в пользу пренебрежительного отношения к «массам», большинству, парламентскому правлению и демократическому государству. И хотя предложения по альтернативному устройству институтов практически полностью отсутствовали, львиная доля подобной литературы явно или неявно предостерегала об ужасных опасностях, угрожающих обществу в результате движения по пути демократизации. Оглядываясь назад, можно сказать, что именно эти сочинения отчасти несут ответственность за разрушение демократии в Италии и Германии

в межвоенный период, а также за тот антидемократический поворот, который приняла Русская революция, как я покажу в конце пятой главы. Соответственно вторая реакция, если этот термин корректен, ответственна за возникновение самого впечатляющего и разрушительного примера самоисполняющегося пророчества. Любопытно, что реакция, которая меньше всего сознательно стремилась повернуть вспять наблюдаемые тенденции и реформы, в результате обрела — и была позднее обвинена в этом — самое разрушительное влияние.

Теперь мы подходим к третьей реакционной волне: я имею в виду современную критику государства всеобщего благосостояния, а также попытки отказаться от некоторых из его столпов или «реформировать» их. Но эти вопросы, возможно, не требуют подробного рассмотрения здесь. Как непосредственные каждодневные наблюдатели этого движения мы на уровне здравого смысла, конечно, обладаем некоторым пониманием происходящего. В то же самое время, хотя в огромном количестве литературы и с экономической, и с политической точки зрения уже раскритикован буквально каждый аспект государства благосостояния, хотя уже состоялись намеренные покушения на программы и институты социального обеспечения со стороны влиятельных политических сил, говорить об итогах новой реакционной волны пока еще слишком рано.

Как станет ясно из этого краткого обзора, интересующая меня проблема широка; стараясь совладать с темой, мне придется быть в высшей степени избирательным. Следовательно, было бы полезно сразу обозначить, чего я *не* буду здесь делать. Во-первых, я не собираюсь писать еще одну книгу о природе и исторических истоках консервативной мысли⁵. Скорее моя

⁵ Среди работ на эту тему см.: *Bourricaud F. Le retour de la droite.* Paris: Calmann-Lévy, 1986; *Godechot J. La contre-révolution.* Paris: Presses Universitaires de France, 1961; *Kirk R. The Conservative Mind, from Burke to Eliot.* Chicago: Regnery, 1960; *Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени.* М.: Юрист, 1994; *Оукиот М. Рационализм*

цель — проследить формальные типы аргументов или риторики; и я буду делать акцент на основных политических позициях и маневрах, которые любят использовать те, кто стремится развенчать и опровергнуть «прогрессивную» политику и прогрессивные идеи. Во-вторых, я не буду пускаться в широкий и неторопливый исторический пересказ тех успешных реформ и контрреформ, тезисов и антитезисов, которые явились на свет после Французской революции. Вместо этого я сосредоточусь на нескольких общих и типичных аргументах, которые непременно приводятся представителями каждого из трех упомянутых реакционных движений. Эти аргументы станут основным принципом деления моего текста. «Три реакции» будут рассмотрены в привязке к каждому из этих аргументов, что позволит выявить те различные формы, которые они принимали в различных исторических контекстах.

Что это за аргументы и сколько их? Должно быть, у меня есть врожденная склонность к симметрии. Описывая основные ухищрения критики в атаке и осмеянии трех успешных «прогрессивных» рывков, описанных Маршаллом, я пришел к еще одной триаде, т.е. к трем принципиальным реактивно-реакционным тезисам, которые я назвал тезисом об *извращении* (или тезисом об извращенных последствиях), тезисом о *тщетности* и тезисом об *опасности*. Согласно тезису об *извращении* любое осмысленное действие по улучшению политического, социального или экономического порядка приведет лишь к усугублению тех остоятельств, которые пытаются исправить. Тезис о *тщетности* гласит, что попытки общественного реформирования окажутся бесплодными, они попросту ни к чему не приведут. Наконец, тезис об *опасности*

в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002 (см. особ. его статью с названием, вынесенным в заглавие, а также эссе «Что значит быть консерваторм»); Quinton A. The Politics of Imperfection. L.: Faber & Faber, 1978; Scruton R. The Meaning of Conservatism. L.: Macmillan, 1980; Steinfels P. The Neoconservatives. N. Y.: Simon & Schuster, 1979.

утверждает, что цена за предлагаемые изменения и реформы будет слишком высокой, так как она ставит под угрозу некоторые прежние ценные достижения.

Конечно, эти аргументы не являются исключительной собственностью «реакционеров». Они могут быть использованы любой группой, которая противостоит или выступает с критикой какой-либо предложенной или проводимой в жизнь политики. Всякий раз, когда консерваторы или реакционеры оказываются у власти и пытаются проводить свою политику и реализовывать свои программы, они могут подвергнуться критике со стороны либералов и прогрессистов, использующих в своих речах тезисы об извращении, тщетности и опасности. Но все же данные аргументы, как правило, используются с целью консервативной критики существующей или предлагаемой политики, а главные протагонисты здесь — консервативные мыслители. Это будет показано в главах со второй по шестую. Глава шестая разбирает соответствующие аргументы со стороны конкурирующего прогрессивного лагеря; данные аргументы тесно связаны с тезисами реакционеров, но все же они следуют несколько иной логике.

Другие три центральные главы данной книги по очереди разбирают каждый из указанных тезисов. Но прежде чем я перейду к рассмотрению тезиса об извращении, хотелось бы дать краткий обзор истории понятий «реакция» и «реакционер».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОНЯТИИ «РЕАКЦИЯ»

Пара «действие»/«противодействие» («реакция») вошла в употребление благодаря третьему закону Ньютона, который гласит: «за каждым действием следует равное ему противодействие (реакция)»⁶. Рожденные в рамках крайне престижной тогда науки ме-

⁶ См.: *Starobinski J.* La vie et les aventures du mot 'réaction' // *Modern Language Review.* 1975. Vol. 70. No. 4. P. xxii–xxxii; также см.: *Baczko B.* Comment sortir de la terreur: Thermidor et la Revolution. Paris: Gallimard, 1989. P. 328–336.

ханики эти два понятия распространились и на другие сферы, они стали широко использоваться при анализе общества и истории в XVIII в. Например, Монтескье писал: «В нем [в государстве] дело обстоит так же, как с частями вселенной, вечно связанными друг с другом посредством действия одних частей и противодействия других»⁷. Третий закон Ньютона использовался Джоном Адамсом для обоснования двухпалатного конгресса во время споров о Конституции США⁸.

Поначалу слово «реакция» не имело никакого уничижительного оттенка. Стойкое закрепление данного оттенка произошло во время Французской революции, особенно после великого водораздела, каковым стали события Термидора⁹. Все это уже заметно в юношеском трактате Бенджамина Констана *De reactions politiques* («О политических реакциях»), который был написан в 1797 г. с явной целью раскритиковать то, что автор считал новым этапом революции, на котором реакция против эксцессов якобинцев могла породить еще более ужасные эксцессы. Эта самая мысль вполне могла внести свой вклад в возникновение уничижительного оттенка, но текст Констана содержит и еще один поворот. Удивительно, но предпоследнее предложение его памфлета оказывается хвалой прогрессу: «С тех пор как дух человека вступил на путь непрерывного движения вперед... никакое вторжение варварства, никакая коалиция душителей и никакое обращение к предрассудкам уже не заставят его повернуть вспять»¹⁰.

⁷ Монтескье Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян. Гл. IX. Две причины гибели Рима.

⁸ Cohen B. The Newtonian Scientific Revolution and Its Intellectual Significance // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 16.

⁹ Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. Vol. 9. Pt. 2. Paris: A. Colin, 1922–1953. P. 844.

¹⁰ Constant B. Ecrits et discours politiques. Vol. 1. Paris: Jean-Jacques Pauvert, 1964. P. 84–85.

I. ДВА СТОЛЕТИЯ РЕАКЦИОННОЙ РИТОРИКИ

Дух Просвещения с его верой в триумфальное движение вперед явно пережил Революцию даже в среде ее критиков, несмотря на террор и прочие несчастья. Можно было сетовать на «эксцессы» Революции, что Констан и делал, но при этом продолжать верить как в прогрессивное шествие истории, так и в то, что Революция есть его часть. Таковым должно было быть доминирующее настроение того времени. Иначе очень трудно объяснить, почему те, кто «реагировал» на Революцию преимущественно в негативном ключе, стали восприниматься и осуждаться как «реакционеры», желающие «повернуть время вспять». В этом выражении проглядывает еще одно представление, показывающее, насколько наш язык зависит от веры в прогресс: подразумевается, что простое течение времени приносит человечеству улучшения, и поэтому любое возвращение назад оказывается губительным.

С точки зрения темы моего исследования негативные импликации понятий «реакция» и «реакционер» есть неудачное стечение обстоятельств, и я буду стараться использовать данные понятия без постоянных отсылок к ценностным суждениям. Именно по этой причине я иногда прибегаю к альтернативным и более нейтральным понятиям, таким как «контрудар», «реактивный» и т.д. Однако в большинстве случаев я все же буду придерживаться более устоявшегося использования, прибегая иногда к кавычкам с целью обозначить отсутствие у меня умысла употреблять эти слова в уничижительном значении.

II. Тезис об извращении

Исследование семантики понятия «реакция» указывает на важные особенности «реакционного» мышления. По причине глубоко прогрессистского характера современности «реакционеры» оказываются во враждебном окружении. Они противостоят тому интеллектуальному климату, в котором любой сколь угодно высокопарной цели, поставленной на повестку дня самопровозглашенными «прогрессистами», гарантировано позитивное отношение. Учитывая такое состояние общественного мнения, реакционеры едва ли могут начать тотальную атаку на эту цель. Скорее они ее примут, искренне или нет, а затем уже попытаются доказать, что предлагаемые или предпринимаемые действия плохи; они попытаются убедить окружающих, что данное действие по цепочке непреднамеренных следствий приведет к *прямой противоположности* той цели, которая провозглашается и преследуется.

На первый взгляд, это очень смелый интеллектуальный маневр. Структура аргументации восхитительно проста, тогда как сам тезис довольно радикален. Речь идет не просто о том, что данное движение или данная политика не достигнет цели или же приведет к неожиданным издержкам, а может быть, даже и к непредсказуемым побочным эффектам, а о том, что *попытка развивать общество в определенном направлении приведет к его движению ровно в противоположном направлении*. Простой, интригующий и разрушительный (если он действительно справедлив), этот аргумент пользовался популярностью у целых поколений «реакционеров», был он в ходу и у более широкой публики. В текущих дебатах тезис зачастую используется для указания на нелогичный, контрпродуктивный или, точнее, *извращенный* эффект некоторой «прогрессивной»

или «благонамеренной» политической стратегии¹. Попытки достичь свободы утопят общество в рабстве, поиск демократии приведет к олигархии и тирании, программы социального обеспечения приведут лишь к еще большей, а не меньшей бедности. *Все приводит к обратным результатам.*

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЭФФЕКТА ИЗВРАЩЕНИЯ

Подобно многим другим элементам реакционной риторики, данный аргумент был провозглашен в качестве основополагающего принципа сразу после Французской революции. Его можно найти уже в работе Эдмунда Берка «Размышления о революции во Франции». По сути, тут и не требовалась особая изобретательность: после того как свобода, равенство, братство превратились в диктатуру Комитета общественного спасения (а затем и в режим Бонапарта), мысль о том, что некоторые попытки достижения свободы просто обязаны привести к тирании, так и просилась на ум. Более того, наблюдение о том, что демократия с легкостью деградирует в тиранию, — это очень давнее наблюдение. В сочинениях Берка примечательно то, что он, во-первых, предсказал подобный исход еще в 1790 г., а во-вторых, его разрозненные замечания по данному вопросу вскоре были распознаны как фундаментальное прозрение относительно социальной динамики. Берк пророчил установление «бесчестной олигархии, основанной на разрушении монархии, церкви, дворянства и народа. Так кончаются все грезы о равенстве и правах человека». Также он предвидел вакханалию военных вмешательств во время различного рода гражданских беспорядков, он пророчество-

¹ Социологический обзор случаев эффекта извращения см.: Boudon R. Effets pervers et ordre social. Paris: Presses Universitaires de France, 1977.

вал: «Массовые убийства, пытки, повешенные. Таковы ваши права человека!»²

Английский историк Альфред Коббан заметил, что «точные предсказания Берка, касающиеся хода революции, ...служат свидетельством добротной теории»³. Но сколь «справедливой» и корректной ни была бы теория, лежащая в основе анализа Берка, многие его современники были потрясены не просто силой его красноречия, но твердостью его убеждений. Аргумент укоренился, его повторяли и придали ему еще более общую трактовку, особенно в этом усердствовали иностранные наблюдатели, которые пытались извлечь из случившегося во Франции практические «уроки» для своих собственных стран. Так, Шиллер писал в 1793 г.:

Попытка французского народа ввести святыне права человека и завоевать политическую свободу лишь выявили его немощность и ничемность в этом отношении; в результате не только эти несчастные люди, но и значительная часть Европы, а также все столетие было отброшено назад к варварству и рабству⁴.

Особенно резкую, хотя и несколько тяжеловесную формулировку предложил немецкий романтик-политэконом Адам Мюллер, близкий друг и протеже Фридриха фон Гентца, помощника Меттерниха, который, будучи еще молодым человеком, перевел «Размышления» Берка на немецкий язык. Когда Революция в итоге привела к Наполеону, Мюллер провозгласил:

История Французской революции представляет собой доказательство, постоянно подтверждаемое событиями последних тридцати лет, что человек, действующий по своей

² Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. С. 131–140.

³ Cobban A. Edmund Burke and the Revolt against the Eighteenth Century. L.: Allen & Unwin, 1929. P. 123.

⁴ Письмо Фридриха Шиллера герцогу Фридриху Кристиану фон Огюстенбургу от 13 июля 1793 г. (Schiller's Briefe. Vol. 3 / F. Jonas (ed.). Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1892–1896. S. 333).

воле и не принимающий религию в расчет, не способен разорвать те цепи, которые сковывают его, без того чтобы не погрузиться в результате в еще большее рабство⁵.

Здесь гипотезы Берка превращаются в жесткий исторический закон, способный служить идеологической опоркой для Европы времен Священного союза.

Удивительная способность Берка предвидеть ход Французской революции была приписана силе его страстной вовлеченности в происходящие события⁶. Однако вполне можно предположить и то, что его формулировка эффекта извращения имеет также и интеллектуальные истоки: он был знаком с традицией шотландского Просвещения, которая делала упор на значимости непреднамеренных следствий человеческого действия. Наиболее известным применением данного понятия было учение о «невидимой руке» Адама Смита, с экономическими взглядами которого Берк был полностью солидарен.

Смит, как и Мандевиль, и прочие (например, Паскаль и Вико) до него, показал, как индивидуальные поступки, движимые жадностью и жаждой роскоши («частные пороки» Мандевиля) — или, несколько смягчая, движимые эгоизмом — могут оказывать позитивное влияние на общество и способствовать возникновению процветающего содружества. Придавая этой идее более поэтическое звучание, Гете в конце столетия определил своего Мефистофеля как «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

⁵ Müller A. Schriften zur Staatsphilosophie / R. Kohler (ed.). München: Theatiner-Verlag, 1923. S. 232. Данная цитата взята из эссе Мюллера 1819 г. «О необходимости теологической основы для социальных наук и особенно для политической экономики»; это эссе обильно цитируется Карлом Шмиттом: Schmitt C. Politische Romantik. München: Duncker und Humblot, 1925. S. 170.

⁶ Так пишет Конор Круиз О'Брайан в своем введении к Берку: Burke E. Reflections on the Revolution in France. Middlesex: Penguin Classics, 1986. P. 70–73.

Таким образом, была прекрасно подготовлена интеллектуальная почва для того, чтобы утверждать, что в некоторых случаях может произойти прямо противоположное. Именно это и сделал Берк, столкнувшись с беспрецедентной попыткой Французской революции перестроить общество: он заставил благо и зло из утверждения Мефистофеля поменяться местами, он утверждал, что итогом устремлений революционеров к общественному благу станут зло и бедствия, что будет полной противоположностью провозглашаемым целям и чаяниям.

С одной стороны, тезис Берка представляется (и мог представляться таковым ему самому) лишь вариацией на хорошо известную в XVIII столетии тему. С другой же стороны, то был радикальный идеологический поворот от Просвещения к романтизму, от оптимизма по поводу прогресса к пессимизму. Масштабные и якобы внезапные идеологические повороты могли происходить именно таким образом. Формально тут требуется лишь незначительная модификация знакомых паттернов мысли, но новый вариант сочетается с совсем другими верованиями и предпосылками, он *внедряется* в них и формирует совершенно новый образ, так что тесные связи между старым и новым оказываются почти полностью неизвестными.

В данном случае начало такой трансформации было положено медленным зарождением новой надежды на мировой порядок. Начиная с XVI в. было признано, что религиозная экзальтация и моральные увещания не способны обуздать и изменить человеческую природу, чтобы обеспечить общественный порядок и экономическое благосостояние. С ростом промышленности и коммерции в XVII и XVIII вв. многие влиятельные мыслители стали утверждать, что некоторые неискоренимые людские «грехи», такие как постоянная корысть, могут, если направить их в нужное русло, способствовать возникновению минимально работающего, и возможно, даже прогрессивного общества. Для Паскаля, Вико и Гете этот парадоксальный процесс предпола-

гал вмешательство Провидения, и это *благодарное*, всепрощающее и предупредительное Провидение превращало зло в благо. Оптимистический посыл данной конструкции был еще больше усилен, когда преследование собственных интересов посредством торговли и промышленности перестало считаться чем-то предосудительным и стало, наоборот, набирать престиж в обществе. Возможно, данное развитие явилось результатом некоторого неизбежного влияния цели на средства. Если исход некоего процесса негативен, то в долгосрочной перспективе сложно обосновать, что те мотивы и действия, которые приводят к нему, вполне достойны похвалы. Верно и обратное: когда исход благотворен, то это просто не может не сказываться и на сопутствующих действиях. Но раз больше нет никакого особого контраста между средствами и целью, между процессом и результатом, то тогда нужда в магическом вмешательстве божественного Провидения становится все менее необходимой — Адам Смит просто позволил этому Провидению сохраниться в виде секуляризованной и несколько анемичной «невидимой руки»^{7*}. Другими словами, хотя идея божественного вмешательства и сходила постепенно на нет, в видении людей XVIII в. общество крепко стояло на собственных ногах и прекрасно функционировало. Заметим, что образ социальной вселенной без Бога является куда менее трагическим, чем образ, который столетие спустя всплывет в сочинениях Достоевского и Ницше.

^{7*} В курсе лекций 1966 г. «Роль провидения в социальном порядке» (*Viner J. The Role of Providence in the Social Order. Philadelphia: American Philosophical Society, 1972*) и особенно в своей третьей лекции — «Невидимая рука и экономический человек» — Якоб Винер показал то стойкое влияние, которое оказывала теологическая мысль на творчество Адама Смита. Тем не менее важно, что Смит ввел секулярное понятие «невидимой руки» вместо концепции божественного Провидения, которая обычно упоминалась в большинстве более ранних сочинений, повествующих о телеологическом видении порядка природы и общества.

Размышления о непреднамеренных следствиях человеческих действий интенсифицировались в связи с событиями Французской революции. По мере того как стремление к свободе обернулось террором и тиранией, критики Революции узрели явное несоответствие между индивидуальными намерениями и социальными последствиями. Божественное Провидение вновь вошло в активное употребление, но на этот раз в далеко не благотворной форме: его задачей отныне становится *разрушение* замыслов людей, чаяния которых построить идеальное общество должны быть разоблачены как наивные и абсурдные, если уж не как преступные и богохульные. *Der Mensch in seiner Wahn* (человек в плену своих иллюзий) — этот «самый кошмарный из кошмаров», как написал Шиллер в одной из своих наиболее известных и на удивление консервативных поэм (*Das Lied von der Glocke*), должен получить спасительный, хотя и суровый урок.

Жозеф де Местр наделяет божественное Провидение, которое он видит в действии во время Французской революции, особой жестокостью. В «Рассуждениях о Франции» (1797) он считает делом Провидения тот факт, что Революция породила свои собственные длительные внутренние конфликты; на его взгляд, если бы контрреволюция оказалась успешной, то революционеров судили бы в обычных судах, и тогда произошли бы две вещи: либо вердикты были бы сочтены общественным мнением чрезмерными, либо, что более вероятно, полная справедливость не восторжествовала бы, так как суд ограничился лишь несколькими наиболее отличившимися преступниками (*quelques grands coupables*). Де Местр провозглашает: «но именно этого Провидение не желало бы», поэтому оно сделало все так, чтобы гораздо большее число виновных «могли пасть ...под ударами своих сообщников»^{8*}.

^{8*} Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997. С. 27–28. Эти рассуждения де Местра после некоторых раздумий, похоже, начали казаться странными даже

Наконец, почти в самом конце своей книги де Местр предлагает экстравагантную формулировку тезиса об извращении как самой сути божественного Провидения. Размышляя о том, как именно произойдет ожидаемая контрреволюция и восстановление монархии, он сначала утверждает, что «массы ...никогда не получают то, что они желают», а затем доводит эту свою мысль до крайности:

Можно даже указать на *уловку* Провидения (пусть мне позволят так выразиться), состоящую в том, что если народ употребляет усилия ради достижения какой-то цели, то используемые им средства отдаляют его от этой цели. ...Если кто-то захочет узнать вероятный итог Французской революции, то довольно будет посмотреть, на чем все эти фракции сошлись: все они жаждали унижения, даже разрушения Всемирного Христианства и Монархии; *отсюда следует*, что все их усилия завершатся лишь возвеличиванием Христианства и Монархии.

Все люди, описывающие или обдумывающие историю, восхищались этой тайной силой, которая играет человеческими советами^{9*}.

Едва ли можно представить более радикальное высказывание. Уверенность де Местра в том, что Провидение следит, чтобы результатом действий человека стала прямая противоположность того, к чему он стремится, напоминает о некоторых родителях, которые, видя, что их дети ведут себя наперекор тому, чему

ему самому — следующий отрывок был вычеркнут им из его окончательного текста: «Оно объявляет свои решения, и преступники, убивающие друг друга, суть исполнители его приговоров. Может быть, кого-то из них оно оставит человеческому правосудию, но когда это правосудие восстановится в своих правах, ему не придется иметь дело с большим числом преступников».

^{9*} Там же. С. 134. Курсив в оригинале. Посредством постановки курсивов и введения пояснительных пунктов де Местр выдает свою возбужденность относительно обретенного им глубокого и смелого прозрения. О тесной связи мысли де Местра с одним из аспектов мифа об Эдипе см. четвертую главу настоящего издания.

их учат, ухватываются за идею говорить детям прямо противоположное тому, чего они от них хотят. И конечно, большинство родителей вскоре обнаруживают, что эта идея далеко не так блестяща, как казалась на первый взгляд.

Модель божественного Провидения де Местра вне всякого сомнения является исключительной в смысле ее мстительности и недвусмысленной апелляции к эффекту извращения. Однако основная черта тезиса об извращении остается неизменной: человек смешон (его высмеивают как Провидение, так и те привилегированные социальные теоретики, которые постигают его замысел), так как стремясь радикально улучшить мир, он почти полностью сбивается с пути. Можно ли найти лучший способ представить его наполовину глупцом, наполовину — преступником, чем доказать, что он достигает результата, прямо противоположного тому, который он объявляет своей целью? Более того, можно ли найти лучший довод против политики, которую ненавидят, но заявленную цель которой напрямую атаковать не желают?

ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И ПРИПИСЫВАЕМЫЙ ЕМУ ЭФФЕКТ ИЗВРАЩЕНИЯ

Та же самая логика рассуждения всплывает и во время нашего следующего эпизода — расширения избирательных прав в XIX в. Новые основания, для того чтобы говорить о неизбежном извращении результата действия, отныне предоставлялись зарождающейся социальной наукой. Для того чтобы оценить тот идейный климат, в котором появились интересующие нас аргументы, очень важно быть в курсе отношения к массам и массовому участию в политике, распространенному в то время.

Из-за частых вспышек гражданской вражды в недавней истории принято считать, что существует тес-

ная связь между подобными вспышками и силой, с которой противостоящие друг другу группы граждан придерживаются конфликтующих убеждений. Со времен кровавой Гражданской войны, развернувшейся в США вокруг вопроса о рабстве, все убеждены, что расхождение мнений по данному вопросу было очень острым и глубоким. Но поскольку расширение избирательных прав в Западной Европе в XIX в. происходило относительно мирно и постепенно, может сложиться обманчивое представление, будто противостояние этому процессу не было особенно рьяным. Трудно представить что-то более далекое от истины. В конце концов, Европа долгое время была крайне стратифицированным обществом, в котором низший класс презирался как высшими, так и средними классами. Стоит, например, вспомнить, что писал такой образованный и аристократичный человек, как Берк в своих «Размышлениях»: «Профессии парикмахера или фонарщика, как и многие другие, не могут ни для кого быть предметом почета. [И] если такие, как они, индивидуально или коллективно, начнут управлять государством, оно будет испытывать серьезные трудности». Далее он походя пишет о «деградирующей, неподобающей и зачастую вредной работе, на которую благодаря социальной экономии обречено столь много негодяев»¹⁰.

Подобные замечания, сделанные походя, заставляют предположить, что основополагающими эмоциями Берка в отношении «низших слоев» были не столько классовый антагонизм и страх революции, сколько крайнее презрение и чувство полной обособленности, если не явного физического отвращения. Все это напоминает структуру отношений в кастовом обществе. Данное настроение сохраняется и в XIX в., и оно могло лишь усилиться за счет массовой городской миграции обнищавших сельских жителей, появившихся вместе с

¹⁰ Берк Э. Размышления о революции во Франции. С. 64.

индустриализацией. Вскоре это настроение дополняется страхом — по мере того как «людишки» Берка начинают насильственные политические восстания, особенно в 1840-х годах. После одного из таких эпизодов в 1845 г. близ Люцерна молодой Якоб Буркхардт писал из Базеля:

Условия в Швейцарии — столь отвратительные и варварские — испортили для меня все, и я постараюсь как можно скорее выбраться отсюда... Слово «свобода» звучит красиво и насыщено, но о ней не должен говорить тот, кто не видел и не чувствовал своего бессилия перед громогласной толпой, называемой «народом», кто не видел ее своими глазами, кто не наблюдал гражданских волнений... Я слишком хорошо знаю историю, чтобы не ожидать от деспотизма толпы ничего, кроме тирании, приход которой будет означать конец истории¹¹.

Можно с легкостью собрать дополнительные свидетельства того, в какой степени идея массового участия в политике, пусть и в смягченной форме всеобщего избирательного права, казалась девиантной и потенциально опасной для значительной части европейской элиты. Всеобщее избирательное право было одним из излюбленных кошмаров Флобера, регулярной мишенью в его страстной неприязни людской тупости. Всеобщее избирательное право фигурирует и в его *Dictionnaire des idées reçues* (Словарь заимствованных идей), где с мрачной иронией оно обозначается как «последнее слово политической науки». В своих письмах он характеризовал его как «позор человеческого духа» и подобие (или даже хуже) иных абсурдных понятий, таких как «божественное право короля» или же «непогрешимость папы». Основной для его суждений была уверенность в том, что «народ», «массы» всегда тупы (*idiot*), непригодны и «недозрелы»¹². В целом свое

¹¹ The Letters of Jacob Burckhardt / A. Dru (ed.). L.: Routledge & Kegan Paul, 1955. P. 93.

¹² *Flaubert G. Correspondence*. Paris: Conard, 1930. Vol. 6. P. 33, 228, 282, 287.

самое сильное презрение Флобер приберет для *bêtise*^{13*} буржуазии, однако, будучи щедрым на презрение, он не испытывал никаких проблем в выражении столь же негативных чувств и по отношению к массам; однажды он даже достиг созвучия между этими отношениями, написав о «мечте возвысить пролетариат до уровня глупости буржуазии»¹⁴.

Подобные чувства превалировали по всей Европе. Чем более общераспространенной становилась практика всеобщего избирательного права, тем более резкими становились голоса элит, находившихся в состоянии непримиримой оппозиции к таким мерам. Ницше считал народное волеизъявление высшим выражением «стадного инстинкта» (термин, которым он обозначал все подвижки в сторону демократии). Даже Ибсен, который по меркам своего времени считался прогрессивным критиком общества, яростно нападал на идею большинства и его правления. В пьесе «Враг народа» (1882) герой (д-р Стокман) восклицает:

Из каких людей составляется большинство в стране? Из умных или глупых? Я думаю, все согласятся, что глупые люди составляют страшное, подавляющее большинство на всем земном шаре. Но разве это правильно, черт возьми, чтобы глупые управляли умными? ... На стороне большинства *сила*, к сожалению, но не *право*. Правы я и немногие другие единицы. Меньшинство всегда право¹⁵.

Тут мы видим интересное пересечение-столкновение двух направлений мысли, каждое из которых вырастает из XVIII в.: требование политической демократии, с одной стороны, с равными правами для всех граждан, а с другой — с существованием «немногих единиц», обладающих особым привилегированным статусом. Ибсен тут явно намекает на концепцию ге-

^{13*} Глупость (*фр.*). — *Примеч. перев.*

¹⁴ *Flaubert G. Correspondence. P. 287.*

¹⁵ *Ибсен Г. Враг народа. Действие 4.*

Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность
ния, которая также была разработана в эпоху Просвещения такими мыслителями, как Дидро, Гельвеций и многие другие¹⁶.

Итак, довольно о мнениях вокруг политического равенства, наступившего благодаря расширению избирательных прав, этой второй прогрессивной волны из выделенных Т.Х. Маршаллом. В отличие от идеи свободной торговли, данное конкретное воплощение «прогресса» так никогда и не достигло идеологической гармонии, даже хотя бы на пару десятилетий — по крайней мере в XIX в. Наоборот, бесспорное продвижение демократических политических форм во второй половине столетия происходило в условиях настроений враждебности и скептицизма. В конце столетия этот скептицизм получил более изощренное выражение в социально-научных теориях, когда медицинские и психологические открытия показали, что поведение человека мотивируется иррациональными факторами в гораздо большей степени, нежели считалось ранее. Идею опоры политического правления на всеобщее избирательное право теперь можно было разоблачать как побочный продукт или же как устаревший реликт Просвещения с его прочной верой в рациональность. Отныне это представление будет разоблачаться не просто как «тщетное» — стандартная романтическая критика, — но именно как ложное.

Среди тех политических идей, которые можно считать реакцией на расширение избирательных прав и демократию как таковую, одна из наиболее влиятельных и значимых была выдвинута Густавом Лебоном в его работе «Психология толпы», впервые опубликованной в 1895 г. Тем самым вновь доказывается притягательность тезиса об извращении для реакционных мыслителей.

Основной аргумент Лебона бросает вызов общепринятому пониманию в соответствии с принципом, известным экономистам как *ошибка перенесения*

¹⁶ Dieckmann H. Diderot's Conception of Genius // Journal of the History of Ideas. 1941. Vol. 2. No. 2. P. 151–182.

свойств частного на общее: суждение, которое верно для индивида, не обязательно верно для группы, не говоря уже о толпе. Под впечатлением от недавних медицинских исследований относительно инфекции, заражения и гипноза, не зная при этом ничего о Фрейте, который через некоторое время докажет, что индивиды сами подвластны всевозможным бессознательным влечениям, Лебон основывал свою теорию на строгой дихотомии между индивидом и толпой: индивид рационален, иногда изошрен и расчетлив, толпа — иррациональна, ее легко поколебать, она неспособна взвесить все «за» и «против», легко поддается на ничем необоснованный энтузиазм и т.д.^{17*} Хотя иногда за толпой и не отрицается наличие некоторых положительных моментов, например, способность на самозабытое самоотречение (солдаты во время сражения), нет никакого сомнения в том, что Лебон рассматривает толпу как низшую — и опасно мощную — форму жизни: «Мало склонные к теоретическим рассуждениям, массы зато очень склонны к действию»¹⁸. Это действие обычно принимает форму или аномичных вспышек «преступных толп», или полных энтузиазма гипнотических массовых движений, организованных лидерами-демагогами (*meneurs*^{19*}, не *chefs*^{20*}), которые знают, как поработить толпу, следуя некоторым простым правилам, любезно описанным Лебоном.

^{17*} Странно, но Фрейд, обратив после Первой мировой войны внимание на проблему массовой психологии, никак не прокомментировал то, что с позиции его же собственной теории было явно поспешным делением на индивида и толпу, отстаиваемым Лебоном. См. его в целом положительные замечания относительно Лебона и его «Психологии толпы»: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Современные проблемы, 1925. Гл. II. Лебон и его характеристика массовой души.

¹⁸ Лебон Г. Психология толпы. М.: Ин-т психологии РАН КСП+, 1998. С. 127.

^{19*} Смутьян (фр.). — Примеч. перев.

^{20*} Вождь (фр.). — Примеч. перев.

В Европе конца столетия теория Лебона имела явные политические импликации. Она рассматривала перспективы национального и международного порядка как достаточно мрачные: вместе с распространением избирательного права во все большем числе стран толпы превращались в значимых акторов. Более того, две последние главы книги — «Избирательная толпа» и «Парламентские собрания» — демонстрируют особые аргументы против современной демократии массового участия. Лебон не выступает здесь против всеобщего избирательного права; скорее, подобно Флоберу, он говорит о нем как об абсурдной догме, которая просто обязана принести огромное количество вреда подобно тому, как ранее это делали суеверия. «Время рассудит», — пишет он, вставая на позиции отстраненного хроникера человеческого безумия. Не предлагает Лебон и улучшить систему за счет возвращения к ограничениям на право голосовать. Его основной посыл заключается в том, что толпа всегда погружена во тьму, несмотря даже на членов толпы и их качеств как индивидов, данный тезис он повторяет с примечательным постоянством: «подача голосов сорока академиков окажется нисколько не лучше подачи голосов сорока водоносов» — пишет он, умудряясь тем самым оскорбить Французскую академию с ее сорока членами, это элитное учреждение, из которого он с негодованием ощущал себя исключенным²¹.

Подобная отвергающая реформы позиция позволяет Лебону спокойно обозначить последствия введения всеобщего избирательного права: предвосхищая наших современных теоретиков «общественного выбора», он показывает, как парламентская демократия способствует увеличению общественных трат в ответ на давление со стороны групповых интересов. Эффект извращения используется в заключительном венчающем тезисе книги: хваленая демократия будет все больше превращаться в правление бюрократов, кото-

²¹ Лебон Г. Психология толпы. С. 238.

рые являются «жертвами иллюзии, заставляющей их думать, что умножая законы, они лучше обеспечат равенство и свободу»²². В поддержку данных взглядов он цитирует работу «Человек против государства» (1884), сборник статей позднего Герберта Спенсера. В данной работе мы имеем дело с современным научным авторитетом, который занял консервативную позицию. Спенсер также выбрал эффект извращения как свой главный лейтмотив, особенно это очевидно по его эссе «Грехи законодателей», в котором он выдвигает экстравагантно общую формулировку: «неподготовленные законодатели в прошлом неоднократно увеличивали страдания людей, пытаясь свести их на нет»²³.

Таким образом, снова группа исследователей общества оказалась вовлечена в деятельность по высмеиванию тех, кто все же надеялся на изменение мира к лучшему. И недостаточно просто показать, что эти наивные *Weltverbesserer*^{24*} терпят крах, необходимо еще и показать, что они на самом деле являются *Weltverschlechterer* (ухудшатели мира, если мне позволят ввести соответствующее немецкое слово), т.е. что они делают мир еще хуже, чем он был до того, как была предпринята хоть какая-то «реформа»^{25*}. Более того, ухудшение случается именно там, где должно было быть улучшение.

ЗАКОНЫ О БЕДНЫХ И ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Подобная аргументация получила особое распространение во время третьей реакционной стадии, к

²² Лебон Г. Психология толпы. С. 251.

²³ Spencer H. The Man versus the State. Caldwell, ID: Caxton Printers, 1940. P. 86.

^{24*} Улучшатели мира (нем.). — Примеч. перев.

^{25*} Само понятие *Weltverbesserer* имеет в немецком языке уничижительный оттенок, возможно, это результат особо сильной немецкой реакции против того, что получило обыденное презрительное наименование как «поверхностное» Просвещение (*seichte Aufklärung*).

рассмотрению которой я и перехожу. Я имею в виду современные покушения на ту экономическую и социальную политику, которая составляет сущность сегодняшнего государства вобщего благосостояния.

В экономике гораздо больше, чем в любой другой социальной или политической науке, эффект извращения увязан с основной догмой дисциплины: идеей саморегулирующегося рынка. В той степени, в какой данная идея является доминирующей, любая политика, призванная подкорректировать результаты действия рынка, например, зарплаты или цены, автоматически превращается в зловредное вмешательство в благотворные уравнивающие процессы. Даже те экономисты, кто до определенной степени благоволил мерам по перераспределению доходов и богатства, склонны считать наиболее очевидные «популистские» меры такого рода контрпродуктивными.

Эффект извращения, приводящийся в действие особыми вмешательствами, доказывался путем прослеживания того, как реагируют спрос и предложение на подобные меры. Показывается, как в результате, например, замораживания цен на хлеб мука начинает использоваться в иных целях, а хлеб оказывается на черном рынке. В результате средняя цена на хлеб может даже подняться вместо того, чтобы опуститься в соответствии с планами политиков. Точно так же, когда устанавливаются показатели минимальной зарплаты, легко показать, как тут же падает занятость, и тем самым совокупный доход рабочих скорее снижается, чем растет. Как утверждает с присущей ему уверенностью Милтон Фридман: «Законы о минимальном размере оплаты труда представляют собой самый наглядный пример того, как благие намерения сторонников определенной меры привели к прямо противоположным результатам»²⁶.

Относительно такого основополагающего экономического параметра, как зарплата, просто не может

²⁶ Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2005. С. 208.

быть никакой уверенности в эффекте извращения. Как только вводятся показатели минимального размера оплаты труда, кривые спроса и предложения могут измениться; более того, вызванный действиями государства рост оплаты труда может оказать позитивное влияние на производительность труда и, следовательно, на занятость. Ожидание подобных результатов есть основная причина для установления реалистического минимального уровня зарплаты. Скорее через имплицитное нравственное убеждение и установление публичных стандартов честности, чем через угрозу наказаний, введение минимального уровня оплаты труда может оказать реальное влияние на условия, на которых рабочие предлагают свой труд, а работодатели за него платят. Однако несомненная возможность не совсем ожидаемого результата становится великолепным аргументом, который просто обязан всплыть в любом споре.

Долгая дискуссия о проблемах социальной поддержки неимущих представляет собой яркий пример всех этих аргументов в действии. Подобная поддержка явно и зачастую осознанно сопоставляется с вмешательством в «рыночные законы», которые обрекают некоторых членов общества на нахождение в низшей части шкалы доходов. Экономический аргумент, касающийся эффекта извращения, был впервые выдвинут в Англии во время споров вокруг законов о бедных. Критики этих законов от Дефо до Берка и от Мальтуса до Токвиля высмеивали идею того, что законы о бедных — это просто «страховка», если воспользоваться современным понятием, для тех, кто отстал — но не по своей вине — в гонке за выживание. Учитывая человеческую «склонность к безделью» (пользуясь выражением Мандевилля), это «наивное» воззрение пренебрегало реакциями предложения, стимулами, встроенными в механизмы регулирования: доступность поддержки способствует «бездельничанью» и «развращенности», тем самым *распространя* нищету, а не искореняя ее.

Вот типичная формулировка данной мысли, представленная эссеистом начала XIX в.:

Законы о бедных должны были покончить с попрошайками; они сделали попрошайничество легальным занятием; они были установлены духом благородства и возвышенной заботы, они содержали всю теорию Добродетели; они привели ко всем следствиям Порока... Законы о бедных, призванные облегчить участь несчастных, сами стали главной причиной этих несчастий²⁷.

Полтора столетия спустя у Чарльза Мюррея, автора одной из самых известных атак на государство всеобщего благосостояния в США — «Земля уходит из-под ног» (1984), мы находим следующую фразу:

Мы пытались дать нищим как можно больше, а в результате нищих стало лишь еще больше. Мы пытались устранить барьеры, препятствующие выходу из нищеты, а в результате случайно создали ловушку бедности²⁸.

Если не брать во внимание несколько более умеренный по сравнению с XIX в. тон, мелодия остается прежней. Эффект извращения работает беспрестанно, как в эпоху раннего капитализма, так и в эпоху капитализма позднего.

Не то чтобы идеологический климат совсем уж не изменился за все эти сто пятьдесят лет. Успех книги Мюррея обязан некоторой свежести своей основной идеи, резюмированной в заголовке — практически любая идея, некоторое время бывшая в тени, имеет хорошие шансы однажды быть принятой за оригинальное откровение. Что на самом деле случилось, так это то, что данная идея на некоторое время отошла на второй план, и причины этого достаточно интересны для нашего повествования.

²⁷ *Bulwer-Lytton E.* England and the English. Vol. 1. N. Y.: Harper, 1833. P. 129. Отчасти этот отрывок цитируется в работе Гертруды Гиммельфарб: *Himmelfarb G.* The Idea of Poverty: England in the Early Industrial Age. N. Y.: Knopf, 1984. P. 172.

²⁸ *Murray Ch.* Losing Ground: America's Social Policy, 1950–1980. N. Y.: Basic Books, 1984. P. 9.

Как показал Карл Поланьи в своей работе «Великая трансформация» (1944), английские законы о бедных, особенно в том виде, как они были дополнены и укреплены Спинхемлендским законом 1795 г., представляли собой безнадежную попытку удержать путем государственной поддержки свободный рынок от того влияния, которое он оказывал на труд и беднейшие слои населения. Дополняя низкие зарплаты, особенно в сельском хозяйстве, новая схема оказалась незаменимой в обеспечении социального мира и поддержании внутреннего продуктового рынка в эпоху наполеоновских войн.

Но как только чрезвычайное положение закончилось, накопившиеся недостатки системы, сочетавшей пособия и зарплаты, оказались под огнем острой критики. Реакция на Спинхемлендский акт, подкрепленная верой в новые «законы» политэкономии, открытые Бентамом, Мальтусом и Рикардо, была столь сильной, что в 1834 г. была принята поправка к законам (или «Новый закон о бедных»), которая преобразовала рабочий дом в инструмент исключительно социальной поддержки. В ответ на критику более щедрой прежней системы рабочий дом отныне функционировал так, чтобы раз и навсегда нивелировать все возможные извращенные следствия. Для этой цели новые правила должны были отвратить бедных от желания обращаться за общественной поддержкой, а те, кто все же сделал это, должны были быть заклеены позором: их «помещали в рабочие дома, заставляли носить особый наряд, отделяли от своих семей, от общения с нищими вовне; когда же они умирали, их тела передавались в анатомический театр»²⁹.

Это было сказано незадолго до того, как на данную практику обрушилась жестокая критика. Уже в 1837 г.

²⁹ Это выжимка из постоянно повторяющейся критики Уильямом Коббетом Нового закона о бедных из его трактата: *Cobbet W. A Legacy to Labourers. L., 1834. См.: Himmel-farb G. The Idea of Poverty. P. 211.*

Дизраэли поносил ее в своей предвыборной кампании: «Я полагаю, что этот акт принес неприятностей стране больше, чем любой другой из известных. Это и нравственное преступление, и политическая ошибка; он как бы сообщает всему миру, что в Англии нищета — преступление»³⁰.

Критики закона были выходцами из самого широкого круга социальных групп и идейных течений. Особо влиятельным и мощным обвинением стал роман Диккенса «Оливер Твист», опубликованный в 1837–1838 гг. Возникло мощное движение, выступавшее против закона о бедных. Противостояние включало выступления и мятежи, длившиеся целое десятилетие после его принятия; в результате положения закона вступили в действие не полностью, особенно на севере, где располагался центр как оппозиционного движения, так и текстильной промышленности³¹. Стало совершенно ясно, что было немало серьезных проблем — утрата чувства общности, забвение благопристойности, внутренний разлад, — которые имели гораздо большее значение, чем мнимое «способствование праздности», на искоренение которой и был направлен закон 1834 г. Согласно ретроспективному суждению Э.П. Томпсона, «закон 1834 г. ...стал наиболее упрямой попыткой навязывания идеологической догмы, пренебрегающей человеческими потребностями, во всей английской истории»³².

Опыт Нового закона о бедных был настолько ужасным, что аргументация, которая и привела к его принятию — т.е. извращенное следствие социальной поддержки, — оказалась на долгое время дискредитирована. Этот факт может быть одной из причин постепенного, даже медленного упрочения в Англии

³⁰ Цит. по: *Himmelfarb G. The Idea of Poverty. P. 182.*

³¹ См.: *Edsall N. The Anti-Poor Law Movement, 1834–1844. Manchester: Manchester University Press, 1971.*

³² *Thompson E.P. The Making of the English Working Class. N. Y.: Vintage, 1963. P. 267.*

XIX — начала XX в. законодательства, ассоциируемого с государством всеобщего благосостояния.

В конце концов данный тезис появился снова, особенно в США. Но даже в этой стране первоначально он не использовался в своей грубой форме, подобной той, что мы можем найти в процитированном отрывке Мюррея из работы «Земля уходит из-под ног». Для возвращения в публичное пространство старое доброе извращенное следствие нуждалось в особом утонченном облачении. Так, одна из ранних атак на политику всеобщего благосостояния в США была осуществлена под интригующим названием «Контринтуитивное поведение социальных систем»³³. Данная работа была написана Джейм В. Форрестером, пионером в разработках компьютерного моделирования общественных процессов и советником весьма влиятельного в те времена Римского клуба. Статья представляет собой прекрасный пример того, что французы называют интеллектуальным терроризмом. В начале читателям сообщается, что у них мало шансов понять, как работает общество, так как мы имеем дело со «сложными и в высшей степени интерактивными системами», в которых общественные параметры относятся к «классу так называемых многоуровневых нелинейных систем с обратной связью», а «человеческий разум не слишком приспособлен для понимания» их «системной динамики». Лишь в высшей степени подготовленный компьютерный специалист может разрешить все эти тайны. И какие же откровения нам сообщает Форрестер? «Временами программы приводят к результатам, обратным желаемым!» Например, львиная доля городской политики, начиная с создания рабочих мест и заканчивая строительством домов с низкой себестоимостью, приводит к результатам, «варьирующимся от неэффективных до вредных в зависимости от их влияния на экономическое здоровье города или их долго-

³³ *Forrester J.W. Counterintuitive Behavior of Social Systems // Technology Review. 1971. Vol. 73. No. 3.*

срочного влияния на население с низкими доходами». Другими словами, мстительное Провидение Жозефа де Местра вернулось в виде «систем с многоуровневой обратной динамикой», а результат политики все тот же: любая попытка улучшить общество лишь делает ситуацию еще хуже.

Если вынести за скобки весь высокотехнологический язык, то статья попросту отражает общераспространенное разочарование, которое наступило после Великого общества Линдона Джонсона. Как часто бывает, преувеличенные обещания программы привели к преувеличенным разглагольствованиям о полном провале. Это интеллектуальное явление было впервые подробно описано мной в книге, посвященной политике в Латинской Америке^{34*}.

^{34*} В работе «Путешествия к прогрессу» (*Hirschman A. Journeys Toward Progress: Studies of Economic Policy-Making in Latin America*. N. Y.: Twentieth Century Fund, 1963) я рассмотрел три давние проблемы в трех латиноамериканских странах. Одной из них был процесс земельной реформы в Колумбии; важным эпизодом этого процесса стала реформа земельного права («Закон 200»), проведенная в 1936 г. с целью превращения арендаторов в собственников и улучшения условий жизни сельских жителей. Согласно большинству местных отчетов, результаты реформы были абсолютно противоположными: угроза принятия закона заставила землевладельцев сгонять арендаторов с земли, тем самым превращая их в безземельных рабочих. Я с подозрением отнесся к тому автоматизму и необдуманности, с которой подобные тезисы об извращении заполнили исторические исследования, газетные статьи и политические речи как консерваторов, так и «радикалов». Исследовав исторические хроники, я убедился, что «Закон 200» был абсолютно несправедливо раскритикован и имел целый ряд позитивных следствий, которые можно записать на его счет (см.: *Hirschman A. Journeys Toward Progress*. P. 107–114). Оказывается, я начал бороться со злоупотреблениями тезисом об извращении еще много лет назад.

Этот и подобные ему случаи восприятия государственной политики и написания истории в Латинской Америке заставили меня предположить, что анализ политики и историография пронизаны глубоким «комплексом провала». Позднее для описания этой черты я придумал и неоднократно

Во влиятельной статье, также появившейся в 1971 г., под названием «Пределы общественной политики», Натан Глейзер солидаризировался с Форестером в его описании эффекта извращения. Статья начинается со зловещей фразы: «общепризнанно — мы столкнулись с кризисом общественной политики», далее почти сразу же следует — «наши попытки справиться с бедствием лишь увеличили его»³⁵.

Вынося подобное разочаровывающее суждение, Глейзер не апеллирует ни к какой компьютерной модели, а высказывает некоторые ясные социологические обоснования. Политика, направленная на обеспечение благосостояния, берется решать проблемы, которыми ранее занимались такие традиционные структуры, как семья, церковь или же местная община. Как только эти структуры сходят на нет, государство перенимает их функции. В процессе этой деятельности государство все сильнее ослабляет то, что еще остается от традиционных структур. Таким образом, возникает потребность в еще большей социальной поддержке, а ситуация в целом не улучшается, а именно ухудшается.

Тот урон, который может быть нанесен эффектом извращения, согласно Глейзеру, довольно ограничен. Все зависит от того, что остается от традиционных структур тогда, когда на арену выходит государство всеобщего благосостояния, а также от точности тезиса о том, что эти остатки прошлой эпохи быстро распадутся, взвалив неподъемную ношу на плечи государства. Можно спросить, неужели нет никакого реального способа сделать так, чтобы эти два источника

использовал термин *fracasomania*. Теперь я сознаю, что эта культурная интерпретация была слишком узкой. Аргументация в духе тезиса об извращении, использовавшаяся, например, колумбийскими комментаторами «Закона 200», оказалась привлекательной в том числе и для тех, кто не был подвержен *fracasomania*.

³⁵ Glazer N. The Limits of Social Policy // Commentary. 1971. Vol. 52. No. 3.

поддержки смогли сосуществовать и даже дополнять друг друга?³⁶

В любом случае размышления Глейзера были излишне «социологическими» для того консервативного настроения, которое обрело популярность в 1980-х годах. Формулировка Чарльза Мюррея, касающаяся извращенных следствий социальной политики, вновь всплыла в общественных дискуссиях, как это уже было в Англии в начале XIX в. во время споров вокруг закона о бедных. Вдохновленный, подобно своим предшественникам, самыми простыми экономическими истинами, Глейзер утверждал, что социальная помощь бедным (в частности, существующая в США) действует как необоримый стимул для тех, кто работает или будет работать на низкооплачиваемых работах (его знаменитые «Гарольд» и «Филлис»), «подсесть» на пособия и не слезать с них — т.е. оказаться навеки «пойманными» в ловушку бездельничанья и нищеты. Если бы это было так, то извращенные следствия политики помощи неимущим, «плодящей нищету», приняли бы огромные и разрушительные масштабы.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕЗИСЕ ОБ ИЗВРАЩЕНИИ

Как ранее я не пытался оспорить тезисы Берка и Лебона, так не хотел бы я и сейчас рассматривать суть различных аргументов против социальной политики в США и иных странах. Что я пытался показать, так это то, как герои данного «реакционного» эпизода, подобно своим предшественникам, были привлечены одной и той же формой аргументации, т.е. тезисом об извращенных следствиях. Я должен извиниться за монотонность моего повествования, но она была намеренной, так как благодаря ей я стараюсь доказать следующее: использование тезиса об извращении есть одна из ба-

³⁶ Не катастрофическую оценку того же самого см.: *Bane M. Is the Welfare State Replacing the Family? // Public Interest. 1983. No. 70. Winter. P. 91–101.*

зовых черт реакционной риторики. Столь частое повторение данного аргумента может иметь неприятное следствие, так как может возникнуть впечатление, что ситуации, завершающиеся извращением, есть нечто повсеместное. На самом деле я хотел бы выдвинуть два одинаково важных положения: 1) реакционная мысль часто говорит об извращенных следствиях; 2) едва ли эти извращенные следствия действительно имеют место в масштабах, которые им пытаются придать. Сейчас мне бы хотелось вкратце рассмотреть второе положение.

Одно из самых больших прозрений науки об обществе, встречающееся уже у Вико и Мандевилля, а затем развитое в шотландском Просвещении, — это наблюдение о том, что в силу изъянов в способности предвидения действия людей могут иметь непреднамеренные последствия, масштаб которых значителен. Признание и систематическое описание подобных непреднамеренных последствий с тех пор стало одним из главных занятий социальной науки (если не сутью ее существования).

Эффект извращения есть особый крайний пример непреднамеренных следствий. Здесь изъяны предвидения, характерные для рядовых акторов, становятся почти тотальными, так как действия в результате производят эффект, противоположный задуманному; обществоведы, анализируя эффект извращения, испытывают чувство превосходства — и наслаждаются им. Де Местр имел в виду эту идею, когда воскликнул в своей ужасной главе о преобладании войн в истории человечества: «Сладостно посреди всеобщего расстройств предчувствовать промыслы Господни»³⁷.

Однако сама сладостность и самоудовлетворенность подобной ситуации должны насторожить исследователей эффекта извращения, равно как и всех нас: не может ли быть так, что они цепляются за эффект извращения в целях упрочения чувства само-

³⁷ Местр Ж. де. Рассуждения о Франции... С. 50.

довольства? Нет ли тут высокомерия: простые люди рисуются как бродящие во тьме, тогда как сами описатели предстают особо проникательными? Наконец, не упрощают ли они свою задачу, фокусируясь всего лишь на одном главном результате программы или политики — противоположности тому, что было запланировано? Ведь можно как минимум в одном важном отношении утверждать, что эффект извращения, представляющий всего лишь еще одной разновидностью концепции непреднамеренных следствий, есть одновременно и ее отрицание, и даже предательство. Понятие непреднамеренных следствий изначально вносило в общественную мысль неопределенность и неокончателность, однако сторонники эффекта извращения нивелируют эту свободу, возвращаясь к рассмотрению социальной вселенной как полностью предопределенной.

Возникает соблазн продолжить размышления о генеалогии эффекта извращения. Как уже было указано, его появление у де Местра и Мюллера, а также у прочих было явно обусловлено последовательностью событий Французской революции, однако его влияние на наше мышление вполне может иметь и более древние корни.

Одна из историй на эту тему знакома нам по греческой мифологии. Человек предпринимает действия, поначалу он успешен, но успех приводит его к высокомерию, которое рано или поздно становится причиной неудач, поражений и бед. Это хорошо известная последовательность событий из мифа о гордыне и Немезиде. Боги пекутся о наказаниях человеческой гордыни и захлестывающих амбиций по причине своей жадности или же по причине того, что они являются бдительными стражами существующего порядка с его сакральными тайнами.

В этом античном мифе пагубный результат людских стремлений к переменам вытекает из божественного вмешательства. Гоббс подхватил данную концепцию,

написав о том, что «те, которые своим неповиновением думают лишь реформировать государство, найдут, что они его этим разрушили... Это стремление к изменению существующей в государстве формы правления есть как бы нарушение первой заповеди Бога»³⁸. Вопреки Гоббсу век Просвещения имел возвышенные представления о способности человека изменять и улучшать общество; более того, в античных мифах и историях о божественном вмешательстве он не видел ничего, кроме предрассудков. Таким образом, если идее о гордыне и воздаянии за нее и суждено было выжить, ее следовало секуляризировать и рационализировать. Эта нужда была в совершенстве удовлетворена представлением, возникшем в XVIII в., о человеческих действиях, приводящих к непреднамеренным последствиям — особенно если решающим итогом было извращение. После такого «социологического» прозрения нужда в метафизическом аргументе отпала, хотя язык божественного Провидения по-прежнему продолжал широко использоваться такими людьми, как де Местр.

Таким образом, эффект извращения неоднократно использовался в интеллектуальной среде, кроме того, у него глубокие мифологические корни. Ничто из сказанного не призвано отрицать тот факт, что осмысленное социальное действие иногда приводит к извращенным результатам. Но полагая, что данный эффект упоминают по причинам, которые имеют мало общего с его справедливостью, я бы хотел усомниться в том, что он возникает с той частотой, с какой к нему апеллируют. Я изложу эти сомнения гораздо более прямолинейно, заявив следующее: феномен извращения никоим образом не является единственным мыслимым вариантом непреднамеренных следствий и побочных эффектов.

Эти два понятия несколько неудачны, так как они способствуют сужению нашего внимания. В том отрыв-

³⁸ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. Гл. XXX. С. 264.

ке из «Исследования о природе и причинах богатства народов» Смита, где он вводит концепцию «невидимой руки», говорится об индивиде, который, действуя в соответствии со своим собственным интересом, «способствует цели, которая *не была частью намерения*» (курсив добавлен). В данном контексте эта цель вполне благая — возрастание «ежегодной производительности» общества. Но после того как концепция Смита обрела известность и стала частью тезиса о «непредвиденных» или «непреднамеренных» последствиях, она вскоре приобрела преимущественно негативные оттенки, так как «непреднамеренные» легко превращается в «нежданные», а оттуда и в «нежелательные»^{39*}. История понятия «побочный эффект» не столь запутанна. Оно просто *сохранило* то негативное значение, которое ему было присуще изначально в медицинской и особенно фармацевтической области. Побочный эффект лекарства почти всегда есть нечто опасное, противоположное его прямой эффективности при лечении конкретного недуга. Таким образом, оба понятия или имели, или приобрели негативные значения, это делает их близкими родственниками — но никак не синонимами — эффекта извращения.

По сути, есть множество непреднамеренных последствий или же побочных эффектов человеческих действий, которые являются скорее *желательными*, чем наоборот. И примеры отнюдь не исчерпываются случаем Адама Смита. Вот пример, знакомый исследователям европейской экономической и социальной истории: позитивное влияние обязательной воинской службы на грамотность. Точно так же введение принудительного государственного образования позволило

^{39*} Этот сдвиг случился, несмотря на предупреждение Роберта Мертона о том, что «непредвиденные последствия не следует отождествлять с последствиями, которые являются с необходимостью нежелательными». См. его классическую статью: Merton R. The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // American Sociological Review. 1936. Vol. 1. December. P. 895. Курсив в оригинале.

многим женщинам найти работу — безусловно, это непредвиденное и, как кажется, в целом позитивное развитие. Мы просто не обращали особого внимания на подобные благотворные непреднамеренные следствия по причине того, что они не ставят нас перед проблемами, которые требуют незамедлительного вмешательства и «решения».

Рассматривая весь спектр возможностей, необходимо также иметь в виду и те действия, ту политику, которые относительно лишены непреднамеренных — благостных или нет — последствий. Этими ситуациями полностью пренебрегают. Например, те, кто делает особый акцент на извращенных стимулах, содержащихся в пособиях по безработице или социальных выплатах, никогда не упоминают следующий факт: значительная часть общественной помощи попросту не приводит ни к какой обратной связи (на этом строится любой эффект извращения) — люди едва ли способны оценить соответствующую социальную защиту или же налоговые преимущества. Когда в конце XIX в. в крупных промышленно развитых странах Европы было впервые введено страхование от несчастных случаев на производстве, со стороны работодателей и «экспертов» было много тех, кто утверждал — рабочие калечат себя намеренно. Однако со временем оказалось, что данные заключения крайне преувеличены⁴⁰.

Кроме того, есть случаи, когда «намеренное социальное действие» — если использовать выражение Роберта Мертона — имеет как позитивные, так и негативные непреднамеренные следствия, при этом баланс между двумя крайностями спорен. Но в таких ситуациях предрассудок заставляет уделять куда больше внимания негативной стороне, что приводит к

⁴⁰ *Rabinbach A. Social Knowledge, Social Risk, and the Politics of Industrial Accidents in Germany and France // D. Rueschemeyer, T. Skocpol (eds). States, Social Knowledge, and the Origins of Modern Social Policies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. 48–89.*

поспешным суждениям, когда извращение становится приговором, который, собственно, и выносится.

Дискуссия в США вокруг мнимых эффектов извращения, вызываемых политикой построения государства всеобщего благосостояния, может послужить примером этого предрассудка. Страхование от безработицы предоставляет безработному возможность подождать, прежде чем взяться за новую работу. В некоторых ситуациях такая перспектива может способствовать развитию «ленности» в том смысле, что какое-то время он не будет предпринимать судорожных усилий по поиску работы, но одновременно страхование от безработицы позволяет ему также не соглашаться «на любую работу вне зависимости от суровости ее условий»⁴¹. До определенной степени это позитивная тенденция. Подобное побочное следствие вполне могло входить в намерения законодателей и исполнителей, и в этом случае они оказываются куда менее недальновидными, чем принято их представлять. Доступность пособий для неработающих женщин с маленькими детьми в рамках программы помощи семьям с детьми, находящимися на иждивении, также подверглась массированным нападкам, так как она не только помогала уже распавшимся семьям, но в некоторых ситуациях даже способствовала такому распаду. И снова можно задаться вопросом: всегда ли этот конкретный побочный эффект, если он все же имеется, является извращением? Как указывалось в исследовании 1987 г., доступность программы помощи семьям позволила женщинам из малообеспеченных семей поправить с браком, в котором они подвергались насилию или дурному обращению⁴². В этом случае социальная поддержка и оклеветанная «зависимость» смогли стать противовесом другой зависимости и уязвимости: той, что вытекает из удручающих семейных обстоятельств.

⁴¹ Block F., Fox-Piven F. *The Contemporary Relief Debate* // Block F. et al. *The Mean Season: The Attack on the Welfare State*. N. Y.: Pantheon, 1987. P. 96.

⁴² *Ibid.* P. 96–98.

Наконец, мы переходим к рассмотрению ситуаций, когда вторичные или побочные эффекты приводят к *отвлечению внимания* от замысла некоего осмысленного действия. Подобные ситуации встречаются часто, они важны, вместе с ними мы приближаемся к случаям извращения. Типичный результат в таких случаях — ситуация, когда некий позитивный аспект, несмотря на негативный побочным эффект, все же сохраняется. Несколько примеров могут пояснить сказанное. Ограничения скорости и обязательное использование ремней безопасности позволяют некоторым водителям ослабить бдительность и управлять автомобилем более агрессивно. Подобное «отклоняющееся поведение» может привести к несчастным случаям (особенно среди пешеходов и мотоциклистов), которых можно было бы избежать. Но едва ли общее число несчастных случаев повысилось в результате введения подобных мер^{43*}. Ирригационные сооружения для увеличения урожая в тропиках приводят к множеству побочных эффектов, начиная от большей уязвимости местного населения перед шистосомозом через утрату орошаемых земель по причине их заболачивания, и не говоря уже о росте конфликтов в обществе по поводу доступа к воде и распределения оставшихся орошаемых земель. Физический ущерб, материальный вред и общественный конфликт вполне могут снизить об-

^{43*} Тезис о том, что в результате подобных мер будет запущен эффект извращения, был выдвинут Сэмом Пельцманом: *Peltzman S. The Effects of Automobile Safety Regulation // Journal of Political Economy. 1975. Vol. 83. August. P. 677–726.* Но последующие исследования поставили его под сомнение. В проведенном в 1986 г. Институтом Брукингса исследовании, хотя и призналось определенное наличие «отклоняющегося поведения», был сделан вывод: «Нет никаких сомнений в том, что автомобили сегодня куда более безопасны, чем лет двадцать назад. Самые значимые улучшения пришлись на 1966–1974 гг., когда были введены федеральные правила безопасности дорожного движения». См.: *Crandall R. W. et al. Regulating the Automobile. Washington, DC: Brookings Institution, 1986.*

щую полезность системы ирригации, однако они никоим образом не нивелируют ее и не делают общий баланс плюсов и минусов отрицательным. До некоторой степени подобные вредоносные побочные эффекты могут быть устранены за счет профилактической политики. Наконец, последний часто обсуждаемый экономистами пример — обесценение денег. Девальвация, задуманная с целью улучшения платежного баланса, окажется более или менее успешной в зависимости от того, в какой степени позитивные эффекты первого порядка будут покрыты эффектами второго — инфляционным воздействием и т.д. Однако, как правило, подобные эффекты едва ли окажутся способными перевесить эффекты первого порядка.

Зачастую эти результаты оказываются весьма правдоподобными. Особенно это верно в отношении повторяющейся, действующей по нарастающей политике — в таких условиях вчерашний опыт инкорпорируется в сегодняшние решения. Соответственно склонность к извращению имеет все шансы быть обнаруженной и исправленной.

Почти два с половиной столетия назад Вольтер написал свой знаменитый роман «Кандид», в котором высмеял тезис о том, что мы живем «в лучшем из миров». С тех пор нам долго и обстоятельно внушали идею о силе и повсеместности эффекта извращения в социальной вселенной. Не исключено, что ныне настало время для «анти-Кандида», который бы намекнул о том, что мы живем не в самом извращенном из миров.

СЕРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: id.hse.ru/books/series/25279520

Научное издание

АЛЬБЕРТ О. ХИРШМАН

РИТОРИКА РЕАКЦИИ:
ИЗВРАЩЕНИЕ, ТЩЕТНОСТЬ, ОПАСНОСТЬ

Третье издание

Зав. книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

ОЛЬГА ИВАНОВА, ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА

Корректор

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297

bookmarket@hse.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 84×108/32

Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 600 экз.

Изд. № 2988. Заказ №

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»

109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42